

ДЕМОКРАТИЯ В РОССИЙСКОМ ЗЕРКАЛЕ

УДК 32

ББК 66.3(2Рос)

Д30

Д30 **Демократия в российском зеркале : монография /** редакто-
ры-составители А.М. Мигранян, А. Пшеворский; Моск. гос. ин-т
междунар. отношений (ун-т) МИД России; каф. сравнительной
политологии. — М. : МГИМО-Университет, 2013. — 519 с.

ISBN 978-5-9228-0961-0

Настоящее издание стало результатом дискуссий представителей рос-
сийского и американского политологического сообщества, которые были
организованы в Москве и Нью-Йорке директором нью-йоркского пред-
ставительства Института демократии и сотрудничества А.М. Миграня-
ном. Обсуждение известными политологами остройших политических и
научных вопросов современного развития демократических процессов в
России велось открыто и непредвзято. Оно объективно отражает разные,
порой полярные взгляды участников дискуссии на глубину демократиче-
ских преобразований российского общества.

Мнение издательства МГИМО не всегда совпадает с некоторыми под-
ходами и оценками, прозвучавшими в ходе этих дискуссий и опублико-
ванными в данной книге.

УДК 32

ББК 66.3(2Рос)

ISBN 978-5-9228-0961-0

© Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I. РОССИЯ

АНДРАНИК МИГРАНЯН

Глава 1. Особенности российской политики	15
О законе маятника	15
О выборах	17
О суверенной демократии	25

СТИВЕН ХОЛМС

Глава 2. Имитация демократии и имитация авторитаризма	65
Вступление	65
Прокрустова дилемма	66
Инкарнаций — две, система — одна	70
Великое разъединение	78
Почему нет честных выборов?	85
Противоударные партии	91
Демократия и предпосылки	96
Изолированные и разобщённые	100

МИХАИЛ ИЛЬИН

Глава 3. Как растут свобода и демократия на российской почве?	102
Вступление	102
Истоки	111
Власть против народа	116
Суверенитет самодержавного народа	124
Демократия советов	128
Перестройка: больше демократии — больше социализма	131
Ущербная демократия	133
Суверенная демократия	136
Как вы строй свой назовете	138

ВАЛЕРИЙ СОЛОВЕЙ

Глава 4. Цветные революции и Россия	144
Вступление	144
Были ли революции?	145
Причины революций	148
Революционные результаты	152
По стезям Николая I	156
Почему не Россия, или когда Россия?	159
Заключение	163

ЧАСТЬ II. ДЕМОКРАТИЯ В РОССИЙСКОМ ЗЕРКАЛЕ

ДЖОН ДАНН

Глава 5. Оценка демократии как формы правления для определенных территорий: утопия или апологетика?	165
Демократическая власть как отречение от самоуполномочивания	165
Повестка дня	167
Метод	169
Выборы	171
Российские особенности и универсальные дилеммы	182

ПАСКУАЛЕ ПАСКУИНО

Глава 6. Демократия: античная и современная	185
Вступление	185
Афины	187
Концептуальная революция Аквинского	190
Плюсы и минусы современной демократии (выборы)	196

БОРИС МАКАРЕНКО

Глава 7. Роль выборов в демократии	211
В чем важность выборов?	211
Дело не только в конкуренции	211
Зачем нужны выборы?	216
Уровень конкурентности	219
Функции конкурентных выборов	221
Становление и консолидация демократии	221
Легитимизация победителей и проигравших	222

Формирование политического режима	223	Принципы сравнительного анализа политических систем. Системный подход к обществу и политике	290
и институтов конкуренции		Анализ политического развития на Востоке и на Западе: общее и особенное	295
Определение стиля политики	227	Оценка пространственной и аналитической систем координат	307
Программы или личности? За что голосуют?	229	Сравнительный анализ восточной специфики политических систем и политического процесса: общие закономерности, региональная специфика и модели демократии	310
Свободные и справедливые: как разоблачить махинации?	232	Роль социальных порядков в концептуализации вариативности моделей демократического правления	316
Предварительные выводы	236	Концепция незападной демократии	327
ХОСЕ МАРИЯ МАРАВАЛЬ		Заключение	343
Глава 8. Выборы и вызов «большой демократии»	238	АДАМ ПШЕВОРСКИЙ	
Защита электоральной демократии	238	Глава 11. Незападная демократия на Западе	350
Страх демократических выборов:		Вступление	350
российский опыт	242	«Запад»	354
Недостатки электоральных демократий	245	Вступление	354
Асимметрия информации	245	Гармония интересов	355
Предсказуемость инкумбентов	250	Боязнь расколов	358
Конфликт в отношении разделенной власти	254	Оппозиция как препятствие	360
Нарушение правил соревнования	257	Выводы	364
Узурпация голоса народа	262	О политическом использовании «традиций»	364
Являются ли демократии угрозой?	265		
Действительно ли избранные правительства менее способны обеспечивать экономический рост?	268	ЧАСТЬ III. РАЗНООБРАЗИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ	
Действительно ли избранные правительства менее способны обеспечивать социально-экономическое равенство?	270	ДЖОН ФЕРДЖОН	
Заключение	273	Глава 12. Институционализация политических изменений	371
ЯН ШАПИРО		Вступление	371
Глава 9. Демократия между выборами	277	Что хорошего или плохого в демократии?	378
Вступление	277	Строительство демократии в реальном времени	382
Лояльная оппозиция	278	Две модели демократии	385
Группы интересов	282	Дискуссия: политика после транзита	395
Гражданское общество	286		
А.Д. ВОСКРЕСЕНСКИЙ			
Глава 10. Общие закономерности, региональная специфика и концепция незападной демократии	289		
Вступление	289		

АДАМ ПШЕВОРСКИЙ

Глава 13. Политический институт и политический порядок	398
Вступление	398
Политические институты и политические конфликты	400
Пreamble	400
Структурирование конфликтов	402
Мотивация к участию и повиновению	405
Не все одинаковы	416
Разные порядки	421
Динамика режима	425
Выводы	428

БОРИС МАКАРЕНКО, АНДРЕЙ МЕЛЬВИЛЬ

Глава 14. Как и почему «зависают» демократические транзиты? Посткоммунистические уроки	429
Проблема	429
Условия vs. действия: две парадигмы в изучении демократии и демократизации	433
Как и почему попытки демократизации не удавались?	438
Влияние структурных предпосылок и процедурных факторов на исход транзита: благоприятные и неблагоприятные случаи	447
Последствия политических решений	457
Центральная Азия	461
Закавказье	463
Восточная Европа	471
Некоторые выводы	471
Послесловие: противоречия и неразрешенные вопросы	477
Вступление	477
Открытые вопросы	478
Государство и демократия	478
Стабильность режима и реформы «сверху»	481
Будущее демократии	486
Библиография	488

Часть I. РОССИЯ**АНДРАНИК МИГРАНЯН****Глава 1. Особенности российской политики
О законе маятника**

Одной из характерных особенностей российской политики является то, что за последние почти двести лет попыток модернизации российской политической системы явным образом проявляется закон маятника, когда политическая система из одной крайности переходит в другую. Попытки модернизации авторитарно-самодержавной власти царской России закончились хаосом февраля-октября 1917-го года, из которой вышла тоталитарная власть большевистской России. Маятник российской власти прошел от крайне правой точки до крайне левой, задержавшись недолго в центре в состоянии хаотического распада старых институтов и ценностей.

Отсутствие культуры демократической самоорганизации, навыков достижения компромиссов через переговоры и взаимные уступки, устойчивых институтов гражданского общества и наличие глубоких разделительных линий по социальным, экономическим, национальным, культурным и конфессиональным измерениям предопределили как распад старого государства, так и становление новой деспотической власти на месте царской России.

Всё произошло в России в 1917 году так, как описывал Токвиль революционные преобразования во Франции при переходе от старого режима. Он отмечал, что следует быть очень осторожным с демократизацией политической системы в стране, где нет укоренившихся демократических традиций и культуры. Народ не успевает переварить быстрые изменения, ситуация выходит из под контроля реформаторов, сам процесс обретает свою логику развития, который чаще всего приводит к хаосу и распаду старой институциональной и ценностной системы, из которой выраста-

Выводы

Ориентировочно мною сделаны следующие выводы:

1. Соревновательные выборы способствуют поддержанию мирного порядка, так как позволяют конфликтующим политическим силам действовать стратегически с расчетом на будущее. Несоревновательные выборы, в свою очередь, поддерживают гражданский мир, демонстрируя оппозиции тщетность ее действий, потому что лидеры либо действительно популярны, либо, если они непопулярны, они могут удержать власть силой.
2. Независимо от степени соревновательности выборов, лидеры вынуждены считаться с необходимостью поддержания мира на улицах и общественного порядка. Чтобы избежать беспорядков, лидеры любых режимов идут на политические уступки. Но в системах с соревновательными выборами эти уступки являются ответом на критику оппозицией определенной политики, в то время как в авторитарных режимах уступки совершаются в кулуарах, а публичная критика правительства жестко подавляется. В целом, основное различие между режимами с соревновательными и несоревновательными выборами связано с наличием у оппозиции права прямого обращения к народу.
3. Политический порядок сохраняется в тени силы. Допускают ли лидеры публичную оппозицию, проводят ли они выборы, рискуют ли своей властью, участвуя в соревновательных выборах, — всё это зависит от степени силовой поддержки. Политические режимы можно считать эндогенными в плане взаимоотношений с физической силой. Все лидеры должны заботиться о поддержке репрессивного аппарата, и когда они не могут опираться на такую поддержку, они вынуждены проводить соревновательные выборы.
4. Авторитарный порядок распадается, когда расколы внутри режима становятся всеобщим достоянием, открывая, таким образом, возможности для широкой мобилизации. Распад — это динамический процесс расколов и мобилизации. И всё же падение отдельных авторитарных режимов не обязательно приведет к демократии: на смену им могут прийти другие авторитарные режимы или какие-то промежуточные типы.

БОРИС МАКАРЕНКО,
АНДРЕЙ МЕЛЬВИЛЬ

Глава 14. Как и почему «зависают» демократические транзиты? Посткоммунистические уроки

Проблема

Начало 1990-х годов знаменовалось почти всеобщим демократическим оптимизмом. И в самом деле, это был апогей «третьей волны» демократизации. В политическом дискурсе той поры почти господствовало линейное, если угодно, векторное представление о глобальном политическом развитии: от распада различных форм автократии к либеральной демократии и рыночной экономике. Как если бы после краха коммунизма остались только универсальная политическая цель и ожидаемый результат глобальной динамики — либеральная демократия и свободная рыночная экономика.

Казалось, есть только одна доминирующая во всем мире политическая траектория демократизации, по которой пойдут все страны и народы, — чуть ли не Карл Маркс наоборот, или «Манифест коммунистической партии» *per contra*: все страны станут раньше или позже либеральными демократиями... Одни раньше, другие позже.

Политический мир воспринимался гибким и пластичным — можно успешно «сконструировать» (а не «вырастить»!) демократию [Di Palma, 1991], раз известен единственно подходящий для нее институциональный дизайн, к которому можно приложить соответствующую политическую инженерию. Демократия воспринималась как универсальная ценность и модель со специфическим инвариантом (быть может, в конкретных формах), которая подойдет для всех народов, несмотря на все различия в истории, культуре, уровнях развития и др. [Sen, 1999].

Через 20 лет мир вокруг нас выглядит совсем по-другому: как будто после глобального политического Большого взрыва мы наблюдаем удивительное многообразие политических траекторий — своего рода разбегающиеся политические галактики, движущиеся по всевозможным направлениям и бросающие вызов традиционным типологиям политических режимов. Надежды и иллюзии по поводу ожидавшегося единого и всеобщего вектора глобального политического развития — от авторитаризма к демократии — практически забыты.

Сегодня больше говорят о «демократическом откате» [Diamond, 2008], «диффузии авторитаризма» [Ambrosio, 2010], «демократической стагнации» и «постдемократии» [Crouch, 2004], угрозе вырождения демократии в охлократию или «аудиторскую демократию» [Manin, 1997]. Демократические достижения прошлых десятилетий названы всего лишь «лексическими победами демократии» [Данн, 2010]. Сама демократия уже не воспринимается многими как универсальная ценность и модель для подражания. Аргумент о национальных моделях демократии часто служит аргументом для оправдания недемократических практик.

Есть ли основания для «демократического пессимизма»? Трудно дать однозначный ответ. Одни страны, бывшие авторатии и диктатуры, вполне преуспели в демократическом строительстве. Другие и вовсе не собирались идти по этому пути — целью псевдодемократических деклараций их лидеров было добиться симпатий западных партнеров. Между этими двумя крайностями — самые разные модели политических трансформаций с противоречивыми и «гибридными» результатами. Самый предварительный аудит итогов «третьей волны» демонстрирует удивительное разнообразие возникших политических режимов — от тех, до которых она практиче-ки не докатилась, до тех, которые были ею непосредственно порождены. Если попробовать представить себе глобальный спектр современных политических режимов, то на одном его полюсе расположатся вполне устоявшиеся «старые» демократии и «новые», успешные и консолидированные либеральные демократии, с полными основаниями вступившие в демокра-

тический клуб. Список ставших в нем полными членами варьируется в зависимости от той или иной типологии или индекса [Freedom House, Polity IV, Tatu Vanhanen's ID, The Economist' ID, BTI, etc.], но в любом случае не слишком велик — лишь немногие из тех, кто начал гонку, пересекли условную финишную ленту.

И все же в целом результаты режимных трансформаций последних двух с лишним десятилетий не стоит недооценивать. Сегодня мы видим два практически демократических континента — Европу и Америку с немногими остающимися анклавами (Беларусь и Гаити, Венесуэла и Куба, а также зависшая в своем транзите проблемная Россия и др.) и многочисленными «демократиями с изъянами». Новые демократии возникли в Азии и даже в Африке, по сути дела, только арабский мир до самого последнего времени оставался чуждым демократизации [Diamond, 2010]. Но буквально на наших глазах и там начались восстания против диктатур, и некоторые из них — как будто бы пока успешные, несмотря на постоянную угрозу исламского фундаментализма. По всей видимости, основные сражения за демократическое будущее будут разворачиваться как там, так и в неарабских и несоветских регионах Азии и Африки и, конечно же, на пространствах СНГ.

Автократические оппоненты демократизации составляют, если угодно, ядро «реальных недемократий», которые включают в себя типологические различные режимы [Snyder, 2006; Gandhi and Przeworski, 2007; Gandhi, 2008; Brooker, 2009; Charron and Lapuente 2011] — от обломков тоталитарных и посттоталитарных систем до пока что относительно эффективных правящих монархий, персоналистских диктатур, теократий и этнократий, военных режимов и «неудачных» государств, которые по виду кажутся авторатиями, но на самом деле неспособны к сколько-нибудь эффективному управлению.

Между двумя этими полюсами — обширная «туманность», своего рода промежуточных режимов, которые совершили некие транзиты и трансформации, но отнюдь не в ожидавшемся демократическом направлении. Они даже близко не подошли к качеству «демократий с изъянами». Вопрос о направленности такого рода трансформационных процессов, а

также вопрос о том, являются ли они промежуточными этапами на пути к будущей демократии, остаются открытыми (но задачка на будущее для политической компаративистики!). Среди них — самые разнородные как «демократии с прилагательными», так и «автократии с прилагательными» — «нелиберальные демократии» [Zakaria, 1997], «гибридные режимы» [Diamond, 2002], «электоральный авторитаризм» [Schedler, 2006], «конкурентный авторитаризм» [Levitsky and Way, 2002; Levitsky and Way, 2010].

В этом условном спектре рядом со «старыми» автократиями, даже не помышлявшими о демократизации, можно расположить и «новые» автократии разных типов, которые по сути своей как раз и возникли в ходе разнонаправленных политических трансформаций последних десятилетий. Среди них — новые «выборные монархии», наследственные президентства, клановые режимы. Некоторые из них, может показаться на первый взгляд, вообще не были подвержены трансформациям, но это не так. Они либо зависли в своем транзите, либо в конце концов вновь откатились к авторитаризму, став в результате новыми типами автократий. Во многих случаях «новые» автократии вышли из других, привычных форм авторитаризма (такие политические траектории особенно характерны для многих постсоветских трансформаций).

Чем объясняется такое разнообразие результатов режимных изменений последних десятилетий? Почему одни страны попытались стать демократическими, а другие — нет? Почему так много транзитов и трансформаций так и не привели к демократизации? Какие факторы оказались решающими для результатов режимных изменений — отсутствие (или недостаток) объективных (структурных) условий для демократии или субъективные действия политических акторов, вытекающие то ли из их «злой воли», то ли из личных амбиций и интересов, то ли из их непредумышленных ошибок.

Иначе говоря, какие факторы отвечают за демократические транзиты, которые зависли, были деформированы или просто провалились, — отсутствие соответствующих условий для демократии или решения и действия ключевых политических акторов?

Условия vs. действия: две парадигмы в изучении демократии и демократизации

На основании существующей литературы по нашей проблематике можно выделить две парадигмы в объяснении демократии и демократизации — одна делает упор на условия и предпосылки демократии, другая — на те или иные политические решения и стратегии (например, Mahoney and Snyder, 1995). Согласно первому подходу демократия рождается как результат, если угодно, органического развития при наличии определенных условий и предпосылок: «Демократия успешно возникает лишь как кульминация иных социальных и экономических достижений» [Kaplan, 1997: 60]. Такое понимание генезиса демократии наиболее подходит для анализа первой и второй волн демократизации, то есть возникновения демократических политий, начиная с конца XVIII века и вплоть до периода после Второй мировой войны, когда демократия оказывалась не столько целью, сколько результатом — органическим и в чем-то даже побочным — объективных социально-экономических трансформаций [Moore, 1966; Rustow, 1970].

Даже одно перечисление такого рода подходов к анализу структурных условий демократии может занять огромное время. И тем не менее, ради дальнейшего обсуждения мы хотя бы упомянем наиболее важные из них.

Несомненно, самым распространенным здесь является аргумент о том, что главное условие демократии — это общий уровень социально-экономического развития, измеряемый прежде всего по уровню ВВП на душу населения. От Липсета (1959) до Пшеворского и его коллег (2000) появилась масса исследований на этот счет. Соответствующая литература поистине необъятна. В то же время при сохраняющихся разногласиях по поводу целого ряда существенных деталей (например, Epstein, Bates, Goldstone, Kristeva and O'Halloran, 2006) среди исследователей возник базовый консенсус: между уровнем экономического развития и демократией и демократизацией существует взаимосвязь, хотя и не детерминистская. Иными словами, переход к демократии может в действительности начинаться на разных уровнях экономического развития, но чем выше ВВП на душу населения, тем больше

шансов, что демократизация будет успешной и не произойдет возврат к авторитаризму¹.

От Растроу (1970) идет другой широко принятый в современной литературе тезис о том, что обязательным условием демократии является национальная идентичность и эффективное государство [Tilly, 2007; Fukuyama, 2007; Mansfield and Snyder, 2007; Moller and Skaaning 2011]. Политическая культура «гражданского» типа также считается важным условием, позволяющим демократии возникнуть и успешно существовать (эта линия аргументации идет от Алмонда и Вербы (1963) и до Инглехарта и Велзела (2005), Фиша (2009) и некоторых других авторов).

Среди прочих условий демократии часто упоминают отсутствие острых социальных, этнических, религиозных и иных конфликтов [Chirot, 2009], а также благоприятное влияние определенных религиозных традиций (протестантизма и католицизма) и неблагоприятное — ислама, при двойственности отношения к православию, конфуцианству и буддизму и почти полном молчании относительно влияния иудаизма [Fish, 2002; Diamond 2010]. Считается также, что ресурсная зависимость в экономике («нефтяное проклятие») препятствует демократии [Ross, 2001; Treisman 2010]. Существуют аргументы и исследований, акцентирующие роль международных влияний, территориальной близости к «старым» демократиям, влияние колониального наследия, качества

институтов, даже роль климата и уровня национального IQ [Vanharen, 2009].

Следует подчеркнуть, что все эти структурные факторы (в разных комбинациях) рассматриваются в современной литературе как очень важные, но все же не предопределяющие условия демократии и демократизации: «От исходных условий во многом зависят шансы выживания демократических режимов. Низкие уровни ВВП на душу населения, высокая степень неравенства в доходах, бедность — все эти факторы ухудшают шансы для демократизации. Однако эта зависимость не детерминистская» [Karpstein and Converse, 2008: 61–62].

Среди других структурных факторов, способных серьезно осложнить процессы демократизации (в любом случае — существенно повлиять на менталитет политических акторов), можно выделить преобладание в обществе и в экономике традиционных структур и традиционных ценностей (в терминологии, например, Инглехарта и Велзела). Тип экономики имеет значение и в других отношениях — таких, например, как упомянутая выше ресурсная зависимость, уровень общей модернизации, степень контроля над экономикой и частным сектором со стороны правительства и элит и др. Роль «нефтяного фактора», снижающего мотивацию к политическому плюрализму в режимах с гарантированными экспортными доходами и интерпретированного Хантингтоном (1991) в духе «нет представительству без налогообложения», нуждается в дальнейшем прояснении. Концентрация экономических ресурсов и богатства (особенно экспортных доходов и международной экономической помощи) в руках правящей группировки, слабый частный сектор, высокие уровни коррупции тоже препятствуют демократизации.

Другая разновидность структурных препятствий для демократизации относится к типам существующих социальных расколов. Непримиримые расколы включают такие традиционные формы, как этнические, конфессиональные или сепаратистские (последние зачастую представляют собой лишь географические вариации первых двух). Но мы должны принимать во внимание и другие варианты социальных расколов. Их «мягкие» европейские варианты прекрасно описаны, в частности, Лейпхартом [Lijphart, 1977]. Сегодня это исламские, точнее, арабские обще-

¹ Некоторые авторы, тем не менее считают, что тип политического режима не связан с характером экономического развития — что имеет значение, так это качество институтов, какими бы они ни были: демократическими (индивидуалистическими) или авторитарическими (коллективистскими). В частности, демократизация, осуществлявшаяся в условиях слабого правопорядка (*rule of law*) часто ведет к экономическому краху. И наоборот — у развивающихся стран с авторитарными (разной степени) режимами, сохраняющими институциональную преемственность на основе каких-либо разновидностей «азиатских ценностей» (например, в Западной Азии, на Ближнем Востоке, в Северной Африке и др.) больше шансов для экономического роста, чем у тех стран и регионов (Африка южнее Сахары, Латинская Америка, бывший СССР и др.), где традиционные институты были разрушены [Popov, 2009; Popov, 2010]. Противники такого подхода приводят аргументы в пользу того, что радикальные экономические реформы, ведущие к экономическому росту, напрямую связаны не столько с качеством институтов, сколько с уровнем политической конкуренции и открытостью режима [Hellman, 1998].

ства [Diamond, 2010] или некоторые посткоммунистические — прежде всего Россия, в которой перед новым режимом в 1990-х годах стояла угроза коммунистической реставрации.

Альтернативный — процедурный, или актор-ориентированный, теоретико-методологический подход возник в контексте изучения демократических транзитов «третьей волны» и основывается на посылке, что не нужно ждать произрастания демократии из объективных предпосылок — напротив, ее можно сконструировать, «вылепить», если придерживаться правильных стратегических и тактических решений: «Не существует предпосылок для демократии, кроме готовности национальной элиты осуществлять демократическое правление» [Diamond, 2003].

Сторонники такого подхода выдвигают свои аргументы. В первую очередь это особенности и характер взаимодействий ключевых политических акторов, чьи решения и действия могут быть решающими для процессов демократизации. Это в том числе «игры» национальных политических субъектов, особенности «выхода» из авторитарного режима, взаимоотношения с оппозицией, отношение к насилию ради достижения политических целей, уровни допустимой для нового режима политической конкуренции, характер смены или сохранения элит, ротация власти, реальная конкурентность и качество выборов и др. [O'Donnell and Schmitter, 1986; Przeworski, 1992; Linz and Stepan, 1996; Colomer, 2000].

Другая распространенная тема в рамках этого подхода — влияние институционального дизайна на новые демократии (прежде всего режимные эффекты президентско-парламентских и пропорционально-мажоритарных систем при всех их разновидностях). Наконец, и это одна из ключевых тем в последних исследований «отклонившихся» или неуспешных демократизаций, наличие либо отсутствие эффективных институциональных ограничителей, сдерживающих возможность политического произвола исполнительной власти, независимо от конкретного институционального дизайна, [Fish, 2006; Fish and Wittenberg, 2009].

При всех различиях в этих подходах, не стоит все же преувеличивать их противоположность. Объективные структуры во многом воспроизводят себя с помощью субъективных действий, а выбираемые субъективные решения имеют свои объективные

исторические, социально-экономические, политические основания. Как заметил А.Пшеворский по поводу актор-центрированного подхода к демократии и демократизации: «Необходимо нечто большее, нежели сами выборы, чтобы выборы состоялись» [Przeworski, 1999: 24].

«Нет никаких сомнений, что структурные факторы — политические, экономические, социальные и относящиеся к культуре — имеют особое значение при объяснении процессов демократической консолидации и соответствующих задач. Поскольку же многие из этих факторов не могут быть изменены в краткосрочной перспективе, мы должны сконцентрироваться на тех факторах, которые могут стать объектами политической инженерии... Вновь проявившееся внимание к экономическим условиям, благоприятным или неблагоприятным для демократии, это важный момент. Тем не менее, мы не можем исключать возможность преодоления этих факторов влияния другими — такими, как политическое лидерство и политическая инженерия» [Linz, 2007: 136].

Как нам представляется, важно взглянуть на «реально существующие демократии» (равно как и «недемократии») сквозь специфические «генетические» линзы, то есть не столько как на достигнутый результат, сколько как на процесс. Такой подход особенно важен применительно к изучению новых демократий и траекторий их развития. Разные политики существуют на разных этапах своего эволюционного развития и сталкиваются с разными типами задач. Одни из них развивались столетиями и постепенно формировали свои демократические институты, у других за плечами лишь пара десятилетий или того меньше. Перед такими новичками могут стоять еще и другие вызовы, например, государственного строительства и национальной интеграции. И все же обстоятельства истории не могут оправдывать попытки отложить демократизацию «на потом».

Описанные выше два теоретико-методологических подхода (один — структурный, акцентирующий роль предпосылок демократии, и другой — процедурный, подчеркивающий роль политических решений и действий политических акторов) представляют собой альтернативные объяснения возникновения демократии. Посмотрим теперь, в какой мере структуры и акторы могут объяснить нам, как и почему попытки демократизации в

посткоммунистических странах зависали или оказывались безуспешными.

Как и почему попытки демократизации не удавались?

Может ли структурный подход предсказать или объяснить судьбу демократических транзитов? В самом деле, с учетом того, что мы знаем об объективных условиях и демократии, можно утверждать, что некоторые (или даже многие) страны лишены сегодня таких предпосылок². Так, многие эмпирические исследования последнего времени, похоже, подтверждают наличие сильной корреляции между низкими уровнями социально-экономического развития и неудавшимися демократическими транзитами. Это же относится и к случаям ресурсной зависимости, доминированию в обществе ислама (и мусульманского населения), слабым традициям независимой государственности и национальной идентичности [Fish and Wittenberg, 2009]. И тем не менее, структурные предпосылки сами по себе (как и их отсутствие) не могут предопределить исход демократического транзита — приведет ли он к возникновению консолидированной демократии или «демократии с изъянами», гибридного режима или новой автократии. Можно, конечно, высказать гипотезу, что существуют некие «запретительные пороги» неблагоприятных структурных условий, которые обрекают на неудачу любые попытки демократизации. Но эта гипотеза нуждается в эмпирической проверке и дальнейшей концептуализации. Если мы хотим объяснить успехи и провалы в попытках демократизации, нужно очень тщательно разобраться в процедурных факторах, решениях и действиях ключевых политических акторов.

Заметим при этом, что недавние *large-N* сравнительные исследования факторов, влияющих на уровни демократии в 142 странах мира за период 1972–2000 годов, осуществленные Дж. Теореллом и А. Хадениусом (2007) и Дж. Теореллом (2010), в значительной мере подтверждают сформулированные выше об-

² Т. Ванханен [Vanhelanen, 2009], например, утверждает, что, независимо от решений и действий политических акторов, существуют «структурные пределы» для демократизации (климат и национальный IQ), и поэтому некоторые страны никогда не станут демократиями.

щие предположения: высокие уровни социально-экономического развития не могут предсказать со 100-процентной вероятностью появление демократии, однако они, скорее всего, станут преградой для авторитарного регресса — это, кстати, соответствует выводам А. Пшеворского и его коллег [Przeworski et al, 2000]. Далее, богатство природных ресурсов, в особенности нефти, способно оказывать антидемократический эффект, как и ислам в качестве господствующей религии. В целом же, выводы этих авторов «подтверждают антиструктурный, актор-ориентированный, «беспредпосыложный» подход к демократизации» [Teorell and Hadenius, 2007: 69].

Несомненно, роль этих и других объективных условий и предпосылок и их влияние (либо отсутствие такого влияния) на траектории политических трансформаций последних десятилетий нуждаются в дальнейшем детальном изучении. Но, как бы то ни было, зависшие и неудавшиеся демократизации в посткоммунистических странах, судя по всему, нужно пытаться объяснять, обращаясь к анализу субъективных политических решений и действий. Это вовсе не означает игнорирования влияния объективных структур. Тем не менее, речь идет о вполне определенном смещении аналитического фокуса.

В самом деле, во многих исследованиях последних лет при объяснении успешных и неудачных попыток демократизации акцент сделан как раз на процедурных, актор-ориентированных факторах. В одних случаях вина возлагается на самих акторов: «Исполнительная власть своим произволом может похоронить демократизацию» [Fish and Wittenberg, 2009: 258]. Подчеркивается распространенный вывод об угрозе, проистекающей от чрезмерной исполнительной вертикали власти [Linz, 1990; Fish, 2004], особенно при отсутствии ее эффективных институциональных ограничителей в виде законодательной и судебной власти [Kapstein and Converse, 2008]. Хотя влияние того или иного институционального дизайна, избранного для новых демократий, продолжает обсуждаться (и результаты этих обсуждений не во всем однозначны), большинство исследований свидетельствуют все же о наличии зависимости между парламентскими системами и устойчивостью новых демократий. Кроме того, сравнительный анализ страновых казусов (особенно в посткоммунистическом

мире) показывает, что сохранение, пусть *de facto*, или мимикрия старых элит со своими специфическими интересами и моделями воспроизведения власти — это тоже один из важных факторов, препятствующих демократизации и ведущих к недемократическим результатам.

Потенциально еще одной серьезной преградой на пути демократизации становятся нерешенные проблемы государственного строительства, а также нации-формирования, в особенностях характерные для многих посткоммунистических стран. Для большинства «старых» демократий была характерна следующая последовательность развития — вначале в войнах и насилии возникали современные европейские государства [Tilly, 1990] и лишь затем начиналась демократизация. Таким образом, формирование качественных и эффективных государственных институтов исторически предшествовало возникновению и распространению демократических процедур. Сегодня эта историческая закономерность нередко используется как аргумент против «поспешной» демократизации в форме утверждения логики «последовательности» (*sequencing*): вначале — сильная государственность (в России бы сказали — «вертикаль власти») и лишь потом — построение демократического режима. Иными словами, демократизация при отсутствии качественных и эффективных институтов чревата неуправляемостью и хаосом [Fukuyama, 2004; Полтерович и Попов, 2006; Fukuyama 2007; Mansfield and Snyder, 2007].

Это сильный, но не во всем убедительный аргумент. Действительно, «демократия есть форма правления в современном государстве. Таким образом, без государства современная демократия невозможна» [Linz and Stepan, 1996: 17]. Однако проблема в другом — государство не абстракт, существуют разные типы государственности и политических режимов. Государства по-разному понимают свои приоритеты и по-разному исполняют свои функции. Общий тезис о том, что государство является предпосылкой демократии нуждается в конкретизации и развитии³.

³ Показательно в этом отношении уточнение, сделанное А. Хадениусом [Hadenius 2001]: в современных условиях не любое государство является предпосылкой демократии и условием демократизации, а государство особого рода — «взаимодействующее государство» (*“interactive state”*), т.е. такое, которое развивает связи с гражданским обществом и отвечает на его запросы.

Да, исторически создание современных европейских государств и государственное строительство предшествовали формированию демократических институтов и практик. Но является ли это убедительным основанием для экстраполяции этой последовательности в сегодняшний мировой контекст? Многомерная и разнонаправленная логика мирового политического развития требует дифференцированного подхода к вопросу о последовательности государственного строительства и демократизации. Существует множество теоретических и эмпирических свидетельств того, что процессы государственного строительства и формирования демократических институтов и практик могут быть параллельными и комплементарными, т.е. взаимоподкрепляющими. Р. Роуз и Д. Шин, например, эмпирически, на материале стран ЦВЕ, подтверждают возможность, образно говоря, «строительства» или «ремонта» государственного корабля прямо в море» (*“[re]building the ship of state at sea”*), т.е. строительства изначально демократических институтов в переходных странах «третьей волны» [Rose and Shin, 2001; см. также Elster J. et al., 1998]. М. Брэттон и Э. Чанг на основе эмпирического анализа особенностей режимных изменений в ряде транзитных африканских стран приходят к выводу о взаимообусловленности процессов государственного строительства и демократизации [Bratton and Chang, 2006]. Дж. Карбоне и В. Мемоли на более широкой выборке приходят к аналогичному выводу [Carbone and Memoli, 2011/2012].

Остается, конечно, непроясненным вопрос о том, каков реально тот минимальный «порог» государственной состоятельности (*state capacity*), начиная с которого возможна демократизация, поскольку по понятным причинам она невозможна в условиях «нестоятельных» государств. Вопрос этот в литературе в принципе поставлен, но ответа на него еще нет, как нет и соответствующих эмпирических исследований [Capelli, 2008; Fortin, 2011].

Не до конца ясен и ответ на вопрос о том, какими должны быть политические стратегии ключевых акторов в условиях характерного для переходных стран дефицита эффективных и качественных государственных институтов. А. Гржимала-Бюссе и П. Луонг [Grzymala-Buse and Luong, 2012], например, на основе сравнительного анализа посткоммунистических трансформаций

выделяют две модели альтернативных стратегий: одна ориентирована на интересы «ранних победителей», выигравших от приватизации государственной собственности и стремящихся к консервации статус-кво и минимизации конкуренции, другая — на «защиту проигравших», т.е. сохранение условий для реальной экономической и политической конкуренции, в ходе которой «ранние проигравшие» имеют шансы для реванша в соответствии с демократическими процедурами. Фактически, это развитие аргументов Дж. Хеллмана [Hellman, 1998] о «победителях, которые получают все». Напомним, что Дж. Хеллман в определенном смысле полемизирует с логикой так называемой «J-кривой», в соответствии с которой едва ли не основное препятствие на пути продолжения реформ в транзитных странах связано с неизбежным ухудшением социально-экономического состояния в начале транзита, поскольку реформы на начальном этапе ухудшают состояние экономики и политической стабильности, порождая неизбежное сопротивление «ранних проигравших» (прежде всего «новых бедных» из очень разных социальных групп и ущемленных в своем статусе «бывших аппаратчиков»). Проблема, соответственно, заключается в том, как преодолеть неизбежный спуск в «долину транзита» (ставшее классическим выражение А. Пшеворского. См. Przeworski, 1992) или «долину слез» [Schmitter, 2005], чтобы достичь «вершины» реформ, которые должны улучшить положение всех групп переходного общества. Аргументы Дж. Хеллмана заключаются в том, что у «ранних победителей» нет мотивов к продолжению реформ, поскольку они получили доступ к экономической ренте в условиях «плохих» государственных институтов.

Заметим, что это очень сильный аргумент против зарубежных и отечественных пропагандистов идеи о том, что авторитаризм на начальных этапах транзита предпочтителен, т.к. может способствовать экономическим и иным реформам. Так, действительно, бывало в 1980-х гг., когда в повестке дня был переход от аграрных обществ к индустриальным (Ю. Корея, Тайвань и др.), но ни разу — в случае современных переходов от индустриальных к постиндустриальным, инновационным, высокотехнологичным обществам.

Мы готовы продолжить эту логику рассуждения и распространить ее не только на экономическую, но и политическую

ренту. Это особенно актуально для рассматриваемых нами ниже посткоммунистических стран, в которых в начальной точке транзита отсутствовали рыночные отношения: во многих из них по этой причине собственность и власть оказались тесно переплетенными, т.е. к экономической ренте добавилась и политическая. Дело в том, что в «зависших» в своем транзите (или вновь «сползших» к авторитаризму) посткоммунистических странах элиты-победители завоевали положение, образно говоря, «царя горы» и обеспечили себе гарантированное извлечение политической и экономической ренты. Они по сути дела лишены мотивов и у них просто нет интересов для формирования качественных институтов управления и демократических практик. Созданные ими «плохие» (т.е. коррумпированные, непрозрачные и неэффективные) институты для них как раз являются «хорошими», они выполняют функции, для которых были созданы, и закрепляют соответствующую «институциональную ловушку» [Гельман, 2010]. Как следствие, происходит «захват государства», в том числе силовой [Волков, 2002], и дальнейшее закрепление «большого», но «слабого» (с точки зрения качества институтов) авторитарного государства [Петров, 2011]. Экономическая и политическая рента, а не приоритеты гарантии собственности и экономической и политической конкуренции, становятся главным побудительным мотивом для препятствия реформам и поддержания «стабильности статус-кво», которая в свою очередь оказывается одним из основных препятствий на пути демократизации.

Вот попытка визуализации этой проблемы. (См. рисунок 1). Тем самым, реальные преграды для продолжения реформ создает не сопротивление «ранних проигравших», от которых нужно якобы «изолировать» становящееся как бы из благих соображений, чуть ли не поневоле авторитарным государство и режим, а как раз «ранние победители», всеми силами стремящиеся не допустить реального продолжения реформ или выхолостить их содержание, сделать их сугубо имитационными.

Мы далее модифицируем «кривую победителей» Дж. Хеллмана, которая имеет в виду преимущественно экономическую ренту, и включаем в нее фактор политической ренты, т.е. установки на сохранение всеми возможными средствами политического статус-кво и недопущение открытой политической конкуренции

(поскольку в данном случае политическая рента, т.е. обеспечение монополии на власть, является условием для извлечения ренты экономической).

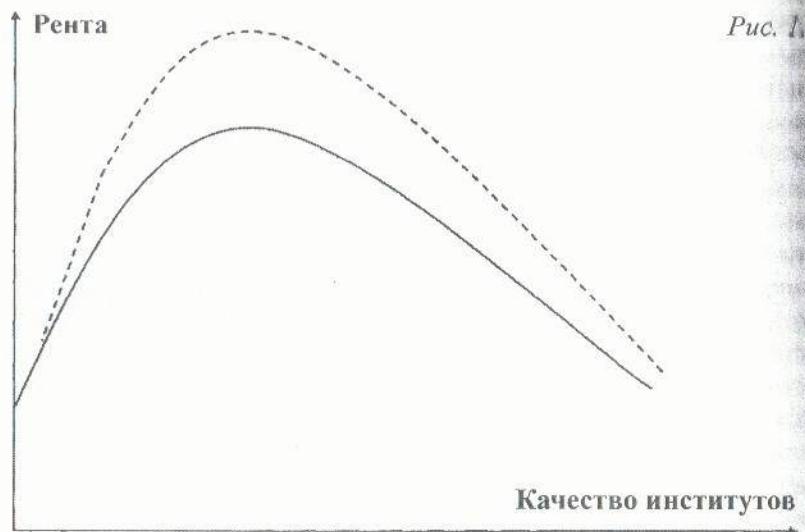

Рис. 1.

В этой схеме мы видим положение «царя горы» для тех элитных групп в посткоммунистических странах, которые сумели гарантированно обеспечить для себя политическую и экономическую ренту и которые поэтому лишены мотивов как для улучшения качества институтов, так и для обеспечения политической конкуренции (по вертикали — уровни извлечения политической и экономической ренты; по горизонтали — качество институтов). Стабильность и статус-кво для них главная задача. В противном случае они обоснованно опасаются утраты своего привилегированного положения. Дополнительная пунктирная кривая — это зашкаливающие за реальные уровни извлечения политической и экономической ренты тревоги и опасения «ранних победителей», которые в случае восстановления политической и экономической конкуренции боятся не только статусного падения и утраты захваченных привилегий, но даже и уголовного преследования за свои деяния, как это уже случалось в некоторых посткоммунистических и других транзитных странах... Схема по-

казывает, что пунктирная «кривая опасений» всегда выше реальных уровней извлечения ренты и выше самого пика «царя горы». Даже в случае гипотетического «спуска с холма», т.е. сдвига в сторону политической и экономической конкуренции, уровень опасений «ранних победителей» за свою судьбу и собственность все равно остается выше (Это, кстати говоря, вариация одной из классических проблем, поднятых еще на ранних этапах транзитологических исследований, прежде всего применительно к латиноамериканским странам, получившая название «проблемы истязателя»⁴).

Не может не возникнуть и вопрос о том, что и почему может побудить элиты-победители в положении «царя горы» начать реформы, которые в случае открытой конкуренции будут грозить им утратой статуса и, как минимум, части захваченной государственной собственности? В принципе, такие победительные мотивы могут порождаться разными обстоятельствами. Во-первых, расколами в стане элит-победителей, в том числе появлением в них реформаторского крыла (это тоже одна из классических транзитологических тем). Во-вторых, подъемом новых и достаточно сильных элитных групп, не связанных с интересами «ранних победителей» и стремящихся к установлению новых эффективных и качественных институтов и политических и экономических порядков. В-третьих, усиливающимся давлением «снизу» (преимущественно в форме того, что в современной литературе по обсуждаемой нами проблематике получило название «мирных демонстраций»), на которое «царь горы» уже не в состоянии не обращать внимания — при том, что если воспользоваться известным рассуждением Г. О’Доннелла об эволюции бюрократического авторитаризма [O'Donnell, 1973], «цена репрессии» начинает превосходить «цену терпимости» и побуждать к изменениям. Заметим, однако, что здесь вполне вероятна и обратная реакция — «закручивание гаек» и крен от умеренного к открытому авторитаризму с репрессиями, ужесточением режима и пр. В-четвертых, давлением внешней среды. Речь здесь идет вовсе не о политическом давлении определенных государств или организаций, против которых «зависшие» в своем транзите пост-

⁴ См., например, Huntington, 1991.

коммунистические страны выстроили мощные «суверенные» заслоны. Речь идет о широком мировом контексте глобализации экономических процессов и транснационализации процессов политических. Это также условия, предъявляемые к деятельности в рамках международных экономических и политических структур, в контексте глобальных информационных процессов и др.

Все это важные вопросы, которые, однако, выходят за рамки нашего материала. Но это очень перспективные в теоретическом и практическом планах сюжеты для дальнейших исследований.

* * *

Мы далее, с учетом всего вышесказанного, предпринимаем попытку проанализировать и сравнить роль и влияние условий и действий (то есть основных структурных и процедурных факторов) на результаты зависших и провалившихся демократических транзитов последних двух с небольшим десятилетий. Наша выборка состоит из 29 посткоммунистических стран, включая Монголию, которые за это время продемонстрировали различные траектории политических трансформаций, повлекшие за собой разные режимные результаты.

Какими бы рейтинговыми и оценочными инструментами (включая экспертные опросы) ни пользоваться, сравнительный анализ выявляет лидеров демократических трансформаций — Чехию и Словению. За ними идут Венгрия (до последних нескольких лет), Словакия и, пусть с оговорками, прибалтийские страны. Рядом с ними — другие новые демократии, которые в силу различных причин не в полной мере достигли качества демократической консолидации и/или имеют своего рода «родовые пятна»: Польша, Румыния, Болгария, Монголия, большинство стран бывшей Югославии (за исключением Словении), а из числа постсоветских государств — Украина и Молдова. В числе этой, условно говоря, второй лиги страны относительно успешной демократизации. Они в основном на верном пути...

На другом полюсе — «новые недемократии», страны с различными типами авторитарного правления, одни из которых напоминают традиционные автократии, другие нуждаются в дальнейшей типологизации и концептуализации. В их числе Казахстан, Беларусь, Азербайджан, Таджикистан, Узбекистан и

Туркменистан. Между этими условными полюсами — необычные гибриды, зависшие в транзите, остановившиеся в демократизации и часто демонстрирующие новые авторитарные тенденции: Россия, Армения, Грузия, Киргизия.

Нас в особенности интересуют страновые казусы, которые сползают в то, что часто называют «серой зоной» [Carothers, 2002], либо движутся вспять, к новым разновидностям авторитаризма.

Влияние структурных предпосылок и процедурных факторов на исход транзита: благоприятные и неблагоприятные случаи

На основании имеющихся данных и научной литературы мы можем предположить, что структурные предпосылки не сыграли решающей роли в падении коммунизма и начале посткоммунистических преобразований; однако в ряде важных аспектов они либо способствовали переходам к демократии, либо тормозили их. Действительно, если мы рассмотрим, какие факторы обычно считаются предпосылками для демократизации, то обнаружим, что практически ни в одной из посткоммунистических стран набор таких предпосылок не был предельно неблагоприятным (хотя, естественно, степень благоприятности существенно различалась у разных государств): даже более бедные страны не находились в состоянии отчаянной нищеты; лишь в одном случае (Таджикистан) этнические или другие расколы, свойственные традиционным обществам, привели к разрушающей государственность гражданской войне; ни внешние факторы, ни собственные силовые ведомства не навязывали этим государствам откровенно авторитарные модели развития. Если в стране и присутствовал ислам, то он не был чрезмерно влиятельным, фундаменталистским или политизированным (Таджикистан опять является исключением). Более того, экономические структуры этих обществ должны были совершить переход от командно-плановых сегментов советско-коммунистического «бюрократического рынка» к независимым рыночным экономикам, а политические структуры — сформироваться в институты независимого государства, так что ни экономика, ни политика ни в коем случае не были стагнирующими или им-

мобильными (что часто рассматривается как структурное препятствие для демократизации).

И напротив, субъективные, актор-ориентированные факторы (стратегические и тактические решения, институциональный выбор, политика исполнительной власти, отношения между старыми и новыми элитами, роль гражданского общества, проведение выборов и так далее) оказались критически важными для исхода политических преобразований. В некоторых случаях решения ведущих политических акторов внесли существенный вклад в обеспечение успеха перехода к демократии, в других — обусловили их провал или породили новые формы авторитарного правления. Выбор политического курса оказывается решающим в определении общего вектора политических преобразований, но в то же время для консолидации демократии необходим, по крайней мере, минимальный набор структурных предпосылок.

Поэтому для определения радикально различающихся результатов посткоммунистических преобразований минувших двух десятилетий необходимо исследовать актор-ориентированные факторы: почему, как и в какой степени политические акторы и общества в целом вносили свой вклад в успех или неудачу демократизации. При этом, разумеется, обнаружится и их корреляция как с благоприятными, так и с неблагоприятными структурными предпосылками, но она не даст универсального объяснения: кто бы мог на старте преобразований предположить, что аграрная Молдова или полукочевая Монголия продвинутся по пути демократизации дальше, чем Казахстан или Беларусь?

Более легко анализу поддается западная часть посткоммунистического пространства (включая Балканы), где и структурные предпосылки, и осуществлявшийся политический курс были благоприятны для демократизации. Со структурной точки зрения к демократизации были предрасположены (хотя и в разной степени) все центральноевропейские государства. По мере того, как они проходили через «шоковую терапию» или более мягкие версии структурных реформ и переориентировали экономику на пространство Евросоюза, и уровень, и тип их экономик становились совместимыми с прочими европейскими странами. Их периферийная роль на европейском рынке и более низкие уровни развития (только лучшие из них сравнимы с более бедными эконо-

миками ЕС) порождают бесчисленные проблемы в политической сфере, особенно в годы мирового финансового кризиса, однако уровень этих проблем все же недостаточно высок, чтобы поставить под сомнение демократический характер их политики. Все они соседствуют со странами Евросоюза (по суше и/или морю). Ни одна из их экономик не страдает от «нефтяного проклятия» или чрезмерной концентрации экономических активов в одной отрасли (имея в виду, что такая отрасль могла бы стать опорной базой инкубентов, не желающих делиться контролем над ней с оппозицией). Культурное наследие большинства из них — европейское и христианское (принадлежащее всем трем основным конфессиям христианства — католицизму, протестантизму и православию). Межэтнические проблемы либо не были значительными, либо эффективно контролировались элитами повсюду, кроме нескольких республик бывшей Югославии, однако за исключением Косово и Боснии и Герцеговины, которые еще не решили в полной мере проблем построения собственной государственности, даже эти постюгославские государства, прошедшие через серьезные потери и гражданские войны (в первую очередь — Сербия и Хорватия), к концу второго десятилетия посткоммунистических трансформаций уверенно движутся по пути демократизации.

Разбирая различия, упомянутые в приведенном выше обзоре, мы должны отметить, что некоторые из стран этого географического пространства сталкивались с относительно невысокими структурными барьерами для демократизации: Чешская Республика и Словакия, чей развод был «бархатным», Словения, Венгрия, Польша и три прибалтийских государства (с оговоркой о до сих пор неинклюзивном характере демократических политий в Латвии и Эстонии) представляют собой почти безоговорочные «истории успеха» демократизации. Что же касается прочих стран в западной и юго-западной (за исключением северо-западного «угла» — Словении) Европе, то их успех в демократизации никак нельзя считать заранее предопределенным: более низкий уровень экономического развития, более слабая промышленность (повсюду), более высокий уровень межэтнической напряженности (Болгария, Румыния, Сербия, Хорватия, Македония, Босния и Герцеговина), даже гражданские войны. Однако с временными лагами и более высокими издержками все эти страны достигли зна-

чительного прогресса в демократизации — они либо стали демократиями, либо неуклонно приближаются к этому статусу. Делая такой вывод, мы не оцениваем качество демократии в центральноевропейских и балканских государствах — ограничимся лишь высказыванием Константы Геберта, журналиста варшавской «Газеты Выборчей»: по его словам, центральноевропейцы «выучили слово «демократия», но пока не освоили ее грамматику».⁵

Структурные предпосылки и актор-ориентированные факторы будут рассматриваться в нашем последующем анализе как независимые переменные. Третья независимая переменная — исход посткоммунистических преобразований периода «третьей волны» (с фокусом на 29 посткоммунистических странах). Мы операционализируем эту переменную на основе индекса демократии журнала *Economist* за 2010 год⁶:

- (1) полные демократии — Чешская Республика;
- (2) «демократии с изъянами» — Словения, Эстония, Венгрия, Литва, Словакия, Польша, Латвия, Румыния, Хорватия, Болгария, Украина, Молдова, Сербия, Черногория, Македония, Монголия;
- (3) гибридные режимы — Албания, Босния и Герцеговина, Грузия, Россия, Армения, Киргизия;
- (4) авторитарные режимы — Казахстан, Беларусь, Азербайджан, Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан⁷.

⁵ Записано одним из авторов из выступления К. Геберта на семинаре в Таллине в 1998 году.

⁶ Этот индекс избран нами по причине его относительной простоты и прозрачности, а также достаточно высокой степени точности и диверсифицированности страновых показателей (в сравнении, например, с рейтингами Freedom House). Корреляция этого индекса с другими измерениями, например с соответствующим субиндексом индекса трансформации Фонда Бертельсманна, достаточно высока. В 2011 г. Украина перепала в категорию «гибридных режимов», а Россия — в категорию «авторитарных», однако в обоих случаях они заняли высшие позиции в соответствующих категориях, поэтому мы сочли предпочтительным рассматривать их в рамках тех категорий, в которых они пребывали на протяжении нескольких предыдущих замеров.

⁷ В этой выборке нет, по крайней мере, одного важного типа современных недемократических политических режимов — тех, которые в силу тех или иных причин вообще не вступали на путь транзита. Можно предположить, что это связано с разными обстоятельствами: они «слишком бедные» или «слишком богатые», либо там «слишком много порядка» и все под авторитарным контролем, или «вовсе нет порядка», то есть это «неудавшееся государство».

В такой логике зависимой переменной становится влияние структурных и актор-ориентированных факторов на последствия посткоммунистических изменений политических режимов.

На основе существующей литературы и доступных данных мы принимаем допущение, что структурные и актор-ориентированные факторы могут быть как благоприятными, так и неблагоприятными для демократии и демократизации. Из структурных факторов, потенциально оказывающих благоприятное или неблагоприятное воздействие на вектор преобразований, мы в первую очередь принимаем во внимание показатель душевого ВВП и индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), рассчитываемый Программой развития ООН. Актор-ориентированные факторы тоже могут оказывать благоприятное или неблагоприятное воздействие на природу вновь создаваемого политического режима. Так, имеется достаточно фактических свидетельств в пользу того, что конструкция политических режимов, приводящая к произволу в действиях посткоммунистической (особенно — постсоветской) бюрократической вертикали, оказывается «поцелуем смерти» для молодых демократий. Этот субъективный фактор становится одним из рассматриваемых параметров в нашем анализе. Смена или сохранение у власти (хотя и в новом обличье) старых элит — еще один такой параметр. На темпы, сценарии и последствия преобразований влияли и многие другие факторы: территориальная целостность, сепаратистские или гражданские войны, острота существующих в обществе противоречий, интенсивность внешних воздействий, модели передачи власти и так далее.

Уместными представляются следующие предварительные суждения:

высокий уровень социально-экономического развития является важным фактором, но не предопределяет направление и результат транзита; большинство посткоммунистических стран, осуществивших более или менее успешный переход к демократии («полные демократии» или «демократии с изъянами» по классификации индекса демократии журнала *Economist*), начинали транзит с достаточно высокого уровня ВВП на душу населения,

в среднем примерно с 5 тыс. долларов,⁸ и достаточно высокого уровня развития человеческого потенциала⁹. Но имеющиеся данные не позволяют делать обобщения: так, среди демократий (пусть и «с изъянами») мы видим Монголию и Молдову с их низкими уровнями ВВП/чел. на старте (в Монголии — 1,693 долл., в Молдове — 2,776) и ИРЧП (в обоих случаях — средние). Напротив, Россия, будучи гибридным режимом на сегодняшний день, стартовала с вполне благоприятных «структурных» позиций: ВВП/чел. — 8,941 долл. и высокий уровень ИРЧП. Авторитарные Казахстан и Беларусь тоже начинали трансформацию с относительно высоких структурных параметров: Казахстан — 4,684 долл. (ВВП/чел.), Беларусь — 4,747 долл.; у обоих — относительно высокие уровни ИРЧП. Однако эти благоприятные условия не помогли. Объяснения нужно искать в действии других факторов.

В то же время есть основания утверждать, что благоприятные структурные факторы представляют собой важные условия для демократической консолидации: «лидеры демократизации» (по большинству рейтингов — Чехия и Словения) стартовали со значительно более высоких уровней ВВП на душу населения (соответственно — 11,209 долл. и 11,827 долл.) и высоких уровней ИРЧП. Здесь благоприятные объективные предпосылки подкрепляют политическую инженерию.

Анализируя нашу выборку стран и переменные, мы можем также заключить, что неблагоприятные структурные предпосылки в некоторых случаях могут быть преодолены посредством правильных политических решений, избранной стратегии и тактикой действий. Наши метод — качественный сравнительный анализ казусов.

⁸ Согласно данным Всемирного банка: Чехия — 11,209 долл. (1990); Словения — 11,827 (1990); Эстония — 6,959 (1991); Венгрия — 8,721 (1989); Литва — 8,846 (1991); Словакия — 7,609 (1989); Польша — 5,474 (1990); Латвия — 7,169 (1991); Румыния — 5,317 (1989); Хорватия — 9,699 (1990); Болгария — 5,711 (1989); Украина — 5,505 (1991); Македония — 5,656 (1990).

⁹ По данным ПРООН: Чехия — 0,897; Словения — 0,857; Эстония — 0,872; Венгрия — 0,893; Литва — 0,881; Словакия — 0,897; Польша — 0,874; Латвия — 0,868; Хорватия — 0,857; Болгария — 0,865 и Македония — 0,857 (высокие уровни РЧП на старте трансформаций); Румыния — 0,733 и Сербия — 0,797 (средние уровни).

Это подводит нас к выводу о критической важности факторов деятельности политических акторов — их предпочтений и конкретных решений. В целом ряде случаев благоприятные предпосылки не обеспечили успешных переходов к демократии — решающими факторами стали процедурные. А в других случаях, напротив, отсутствие благоприятных объективных условий было компенсировано конкретными субъективными решениями.

В этой связи уместно привести несколько общих рассуждений о факторах политических решений.

Стройневым фактором осуществления политики во многих посткоммунистических странах выступал почти полный консенсус элит относительно общей цели «вхождения в Европу». В этих странах элиты не строили демократию как таковую — они строили европейскую идентичность своей страны, перенося на национальную почву ценности, институциональные устройства, нормы и практики «старой Европы». Тезис Л. Даймонда «не нужно ничего, кроме политической воли» к таким случаям неприменим. Как отмечено выше, при всех различиях между этими странами структурные предпосылки в них не были заведомо неблагоприятны для демократизации. Даже там, где структурные факторы были менее благоприятными, политические акторы предпринимали последовательные усилия по их преодолению, чтобы сократить отставание своих стран от стандартов Запада (или Евросоюза). Наиболее очевидный пример намеренной вестернизации — осуществлявшаяся в этих странах политика в отношении этнических меньшинств и/или подавление любых попыток реанимировать территориальные притязания к соседям. Оборотная сторона такой деятельности политических акторов — роль западных советников и консультантов, к которым в таких государствах охотно прислушивались не только в том, что касалось экономических реформ (в этой области западные советники сыграли важную роль в большинстве посткоммунистических стран), но и в вопросах политического устройства. В ряде случаев такими «иностранными» были побывавшие в эмиграции (Швеции, Канады и других западных странах) люди, вернувшиеся на родину, чтобы помочь расчистить завалы коммунистического наследия.

Подобное наблюдение указывает еще на один фактор, по которому посткоммунистический мир четко разделяется по границам

СССР 1939 года. К востоку от этой границы коммунистическое правление длилось на одно поколение (20 лет) дольше, чем в его западной части, и там к моменту падения коммунизма практически не осталось людей, по личному опыту помнивших «жизнь до коммунизма» и способных рассказать об этом опыте, дать совет и психологические стимулы реформаторам. Суммируя оба этих фактора, можно сказать, что для западной части посткоммунистического мира «поход на Запад» являлся не абстрактным лозунгом, а конкретным «бизнес-планом», подкрепленным во многом заимствованным ноу-хау. К востоку же от этой границы, как показано ниже, только Молдова предпринимала намеренные, хотя и не вполне успешные, попытки перенять европейские институты и практики.

Наконец, третье общее рассуждение касается выбора институционального устройства государства. Западная (относительно границ 1939 года) часть посткоммунистического мира выбрала парламентскую или премьер-президентскую модели [Shugart and Carey, 1992], которые, по общепринятому в современной сравнительной политологии мнению, более благоприятны для демократизирующихся государств, поскольку при таких моделях власть оказывается разделенной, возникают гарантии от персоналистских авторитарных пополновений, стимулируется вовлечение общества в политику. [Linz, 1990; Shugart and Carey, 1992; Fish, 2006]. Отметим, что именно транзиты 1990-х годов побудили многих политологов, занимающихся подобными темами, пересмотреть и переопределить свои подходы, уделять большее внимание деталям институционального устройства (этот процесс описан в работе Р. Элджи, 2005). В восточной же части посткоммунистического мира, как правило, избиралась президентская или президентско-парламентская модель государственного устройства. В той же логике пропорциональная (или смешанная) избирательная система стимулирует разделение власти и поиск компромиссов в политике и помогает избежать ситуаций, в которых «победитель получает все» [Hellman, 1998] — если вернуться к схеме Хеллмана, в смысле как политической, так и экономической «ренты». Результат воздействия таких институциональных выборов показан ниже в таблице 1. Заметим, однако, что выбор институционального устройства, несомненно, являет-

ся процедурным фактором, но это не означает, что политические элиты (и лидеры) абсолютно свободны в своем выборе. Выбор в пользу сильной президентской власти, сделанный большинством государств СНГ, был предопределен не только традиционной склонностью этих обществ к персонализированной власти, но и такими факторами, как наличие антагонистических водоразделов в обществе (как в России) или задачами строительства с нуля национальной государственности, которая востребовала харизматичного (в меру возможности) «отца нации».

Таблица 1.
Взаимосвязь между политическим режимом,
избирательной системой и демократизацией

Тип режима / Избирательная система	Пропорцио- нальная	Смешанная	Мажори- тарная	Всего
Парламентский	4 демократии <i>Чехия, Латвия, Эстония, Словакия</i>	2 демократии <i>Венгрия Литва</i>	0 демократий	6
	0 гибридных режимов	1 гибридный режим <i>Албания</i>	0 гибридных режимов	1
	0 авторитар- ных режимов	0 авторитар- ных режимов	0 авторитар- ных режимов	0
Премьер- президентский	7 демократий <i>Болгария, Польша, Румыния, Словения, Сербия, Черногория, Хорватия</i>	1 демократия <i>Македония</i>	1 демократия <i>Монголия</i>	9
	1 гибридный режим <i>Босния и Герцеговина</i>	0 гибридных режимов	0 гибридных режимов	1
	0 авторитар- ных режимов	0 авторитар- ных режимов	0 авторитар- ных режимов	0

Президентско-парламентский	1 демократия Молдова	0 демократий	1 демократия Украина	1
	0 гибридных режимов	3 гибридных режима Армения, Грузия, Россия	0 гибридных режимов	1
	0 авторитар- ных режимов	0 авторитар- ных режимов	0 авторитарных режимов	0
Президентский	0 демократий	0 демократий	0 демократий	0
	0 гибридных режимов	1 гибридный режим Киргизия	0 гибридных режимов	1
	0 авторитарных режимов	2 авторитарных режима Азербайджан, Таджикистан	4 авторитарных режима Казахстан, Туркменистан, Узбекистан Беларусь	6
Всего	13	10	6	29

Примечания

Типология политических режимов, основанная на работе М. Шугарта и Кэри [Shugart and Carey, 1992], фиксирует институциональный выбор каждой страны на начало 1990-х годов; классификация по уровню демократичности — на The Economist Intelligence Unit's Index of Democracy 2010. Обратим внимание, что из двух режимов с относительно сильным президентом, Молдова стала в 2001 году парламентской республикой, а Украина несколько раз меняла свою избирательную систему и имела премьер-президентский режим в 2006–2010 годах. Граница между чисто президентским и президентско-парламентским режимом на постсоветском пространстве условна: определять ее только по конституционной формулировке исполнительных полномочий президента некорректно, если роль парламента вообще и в формировании кабинета министров, в частности, чисто nominalna. По первым конституциям президент возглавляет исполнительную власть и/или реально не делит полномочий с парламентом в ее формировании в: Туркменистане, Таджикистане,

Азербайджане, Казахстане, Киргизии (в последних двух случаях поправки к конституциям наделили парламент более широкими полномочиями в этой области); в Узбекистане и Беларуси формально требуется утверждение кандидатуры премьера парламентом, но парламенты в этих странах никогда не обладали реальной автономией от президентской власти.

Последствия политических решений

Центральная Азия

Обзор преобразований мы начинаем с субрегиона, в котором объективные предпосылки для демократизации со всех точек зрения были менее благоприятными, чем во всех остальных частях посткоммунистического мира, а именно — с Центральной Азии (Киргизстан, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан). Эти «предпосылки недемократии» включают:

самый низкий уровень социально-экономического развития: ВВП на душу населения на старте транзита в Киргизстане составлял 1,697 долл., в Таджикистане — 2,080, в Узбекистане — 1,457 и в Туркменистане — 2,596, и только в Казахстане он был существенно выше — 4,684;

все эти страны (тоже за исключением Казахстана) имели средние уровни индекса развития человеческого потенциала, с остройми разрывами между благополучными городскими регионами и крайне слабо развитой инфраструктурой в сельской местности.

Этнический фактор в этих странах требует «стереоскопического» анализа. Все они имели заметное меньшинство европейских (преимущественно — восточнославянских) национальностей (в Казахстане — почти половина населения), это меньшинство было преимущественно городским и более образованным. С одной стороны, наличие такого меньшинства могло бы способствовать либерализации политической жизни, но, с другой стороны, элита коренной нации рассматривала его как угрозу пророссийского ирредентизма и возможное препятствие на пути национального строительства. Почти повсеместно (особенно — в Узбекистане) присутствовали и другие меньшинства, но они не сыграли важной роли в политической жизни, если не считать от-

дельных вспышек насилия на этнической почве, как, например, во время волнений в Киргизии в 2010 году.

Исламский фактор также оценивается неоднозначно. С одной стороны, семь десятилетий светской власти означали, что ислам лишился глубинных корней, а правящая элита была почти исключительно светской. С другой стороны, например, в Ферганской долине (проходящей через Узбекистан, Таджикистан и Киргизстан) угроза исламского фундаментализма и терроризма существовала на протяжении всего рассматриваемого периода.

Более важным и напрямую влияющим на политические преобразования фактором представляется традиционная (немодернизированная) структура общества, затрудняющая демократизацию. Этот фактор включает в себя и аграрное перенаселение, и клиентиlistские системы связи в низах общества, а также клановую структуру всего общества. В сочетании с исламской культурной традицией он порождал эффект, охарактеризованный Э. Геллнером [Gellner, 1994] как «государственность, навязанная городу племенными союзами» — аллюзия, восходящая к знаменитой «Мукаддиме» арабского философа XIV века Ибн Халдуна. Гражданская война между региональными кланами (с наложением религиозного фактора на территориальный) в Таджикистане, разделение на три племенных союза — жуза — в Казахстане, противостояние «севера» и «юга» в Киргизии — лишь наиболее явные примеры того, как традиционная структура общества влияет на формирование ткани национальной политики.

Еще одна предпосылка «недемократии», как сейчас принято считать, — «нефтяное проклятие». Когда речь идет о странах с невысоким уровнем экономического развития, трудно дать однозначный ответ, является ли наличие в стране запасов минерального топлива благословением или проклятием. Две центральноазиатские страны, не обладающие таким богатством, Таджикистан и Киргизстан, остаются самыми бедными среди посткоммунистических государств, с ВВП на душу населения, едва превышающим 2 тыс. долларов (143-е и 139-е место в 2009 году по мировой иерархии МВФ)¹⁰); такая бедность серьезно осложняет не только

экономическое, но и политическое развитие. Благополучие остальных трех стран относительно (из-за различий в уровне добычи углеводородов и численности населения): Узбекистан занимает 131-е место, Туркменистан — 104-е, и лишь Казахстан поднялся до 70-го места в той же иерархии.

В подобной ситуации политические решения в стране должны приниматься с учетом весьма неблагоприятной конфигурации структурных факторов. Правящие элиты в первую очередь занимались строительством национальной государственности, включая создание «национальных мифов», обеспечением доминирования коренного населения, и в частности — господства «клана правителя» (как бы он ни определялся) в политической сфере. Это фактически и предопределило институциональный выбор в пользу президентской модели с минимальными или нулевыми сдержками и противовесами. В дискурсе власти идея демократии звучала либо чисто декларативно, либо сопровождалась бесчисленными оговорками о «национальной модели», необходимости «воспитания демократической традиции» и тому подобными. Следует отметить, что в Центральной Азии (за исключением Таджикистана) элиты в наименьшей степени (по сравнению с другими частями посткоммунистического мира) подвергались ротации и обновлению, даже сегодня правящий класс в них состоит из постаревших советских элит и их прямых наследников.

Два центральноазиатских государства — Туркменистан и Узбекистан — практически не заигрывали с идеей демократии, никогда не имели хотя бы формально многопартийных систем, а Туркменистан до последнего времени — даже реального парламента. Киргизия долго считалась наиболее либеральным из всех центральноазиатских государств, а прежний президент А. Акаев имел имидж демократизатора; в Казахстане в 1990-х годах существовала определенная степень плюрализма на выборах, и руководство страны стремилось к созданию позитивного имиджа на Западе; Таджикистан сумел выйти из гражданской войны через соглашение о национальном примирении, разделе власти с оппозицией, и плюрализм в крайне ограниченной форме существует там даже сейчас.

Однако общая оценка актор-ориентированных факторов в этих странах все же негативна для демократизации. Над правящими элитами довел страх не потерять большинства во власти, но даже

¹⁰ World Economic Outlook Database-April 2010, International Monetary Fund. Accessed on April 21, 2010.

появления серьезной оппозиции, которая, по их представлениям, дестабилизировала бы ситуацию. Их страхи были разнообразны (в разных комбинациях): вызов со стороны исламских радикалов (которые, по их представлениям, могли бы получить в условиях свободной конкуренции существенную поддержку в отсталых сельских районах); конкуренция со стороны высокообразованного городского восточнославянского населения; усиление популизма в обществе с высоким имущественным расслоением; но самое главное — вызов со стороны конкурирующих кланов и группировок в правящей элите.

Именно с этой целью в государствах Центральной Азии (за исключением Узбекистана) проходили многочисленные референдумы по поправкам к конституциям и продлению срока полномочий президентов (в Казахстане и Узбекистане у власти до сих пор находятся последние руководители республиканских коммунистических партий), реформировались парламенты и менялись избирательные системы, и все эти мероприятия без исключения были направлены на укрепление президентской власти. С. Ниязов, умерший в 2006 году, был пожизненным президентом Туркменистана. Намеренные изменения институтов власти дополнялись жестким контролем над СМИ и пространством интернета, избыточным применением административного ресурса, то есть манипуляций на выборах и тому подобным. Результатом этих процессов явилась не только консолидация власти, но и радикальное сокращение политического плюрализма.

Единственным исключением из этого общего тренда стал Киргизстан. Опасаясь цветной революции, президент А. Акаев прибег к жесткому контролю над парламентскими выборами 2005 года, в результате чего последовал государственный переворот, получивший название тюльпановой революции; новое руководство стало фактической коалицией северных и южных кланов, которые на протяжении первых двух лет делили власть. Однако постепенно новый президент К. Бакиев добился такой степени концентрации власти и ресурсов, что оппозиция (составшая не только из северян, но и из части его собственных южан) восстала и свергла президента — отметим, что это произошло вскоре после того, как Бакиев выступил с идеей «консультативной демократии», при которой оппозиция дает советы

и критикует правительство, но не участвует в борьбе за власть. Переходная администрация Киргизии разработала новую конституцию, в соответствии с которой во второй раз в современной истории страны предпринимается попытка ввести систему разделения властей. Выборы в октябре 2010 года привели к образованию многопартийного парламента и трехпартийной правительственный коалиции, которая обрела власть в конце 2010 года, и продемонстрировала свою жизнеспособность.

Подводя итоги, мы можем заключить, что в Центральной Азии объективные предпосылки (быть может, в некотором смысле исключением является Казахстан?) были неблагоприятными для демократизации. Однако действия политических акторов практически ничего не изменили в этой ситуации, напротив, они еще более отдалили даже гипотетические перспективы демократических изменений. Стороннему наблюдателю непросто оценить, насколько преувеличенными были «страхи перед плюрализмом», испытываемые центральноазиатскими правящими элитами. Единственное, что не подлежит сомнению: ничего не было сделано для создания механизмов разрешения межэлитных конфликтов (Киргизию, пожалуй, следует признать исключением, но и там эти попытки до недавнего прошлого оказывались малоэффективными). По крайней мере в тех странах, где объективные условия были менее неблагоприятными, вполне возможной представлялась большая степень плюрализма, которая могла бы породить более либеральную политическую атмосферу, способствующую видоизменению неблагоприятных структурных предпосылок.

Таким образом, в центральноазиатском субрегионе наблюдалась тесная корреляция негативных объективных предпосылок с действиями политических акторов, препятствующих демократизации. В других частях посткоммунистического пространства мы будем наблюдать как более мягкие наборы структурных предпосылок, так и большее разнообразие политических стратегий.

Закавказье

В трех государствах Закавказья (Армения, Азербайджан и Грузия) структурные предпосылки носили неоднозначный характер.

Из социально-экономических условий ключевым фактором следует признать не уровень экономического развития, не индекс человеческого развития (оба показателя там ниже среднего по посткоммунистическому миру), а разрушительные войны, через которые все три государства прошли в начале 90-х годов прошлого века. Грузия и Азербайджан утратили в пользу сепаратистов часть своей территории, и травма этой потери и приток беженцев еще более понизили шансы на демократизацию. Разумеется, побочным эффектом такого раскола стала более высокая этническая гомогенность нации, но, в отличие от Молдовы, рассматриваемой ниже, мы не можем объективно оценить влияние этого фактора на политическое развитие. Армения в результате войны получила в качестве союзника самопровозглашенное и непризнанное государство — Нагорный Карабах, но одним из последствий военных действий стало доминирование ветеранов этой войны (как выходцев из Карабаха, так и из самой Армении) в национальной политике. При всех этих различиях, Армения и Грузия прошли через отчаянно плохую экономическую ситуацию, а Азербайджан столкнулся с проблемой аграрного перенаселения. Экономически мотивированная эмиграция из всех трех государств была и остается важной проблемой развития.

Христианская политическая культура Грузии и Армении и попытки их сближения с Западом способствовали демократизации; Азербайджан выстроил тесные отношения с Турцией и также искал сближения с Западом в целях модернизации страны.

Влияние ислама в шиитском Азербайджане было слабее, чем в Центральной Азии (по меньшей мере, там не было исламских фундаменталистов), слабее было и влияние традиционных общественных институтов, но оба эти фактора все же присутствовали в политической жизни. Азербайджан — единственная из трех стран, отмеченная «нефтяным проклятием», проблемой для политического развития, но в то же время — благословением для экономики.

В таких условиях Грузия и Армения были более предрасположены к плуралитической политике, но, в отличие от западной части посткоммунистического мира, «вестернизация» оставалась лишь общей концепцией, зачастую подрываемой борьбой за

власть. В политике Азербайджана «вестернизации» отводилась меньшая роль.

Все три государства не избежали насильственных смен власти. Президент Гамсахурдия в Грузии, Муталибов и Эльчибей в Азербайджане были свергнуты (добавим попытку переворота в Азербайджане в 1995 году); цветная революция отстранила от власти Шеварднадзе в Грузии; «тихий переворот» произошел в 1998 году в Армении, когда первый президент Тер-Петросян был вынужден уйти в отставку, высшие руководители армянского государства (включая сильного премьер-министра и спикера парламента и бывшего кандидата в президенты) были расстреляны в стенах парламента. В Армении (в 1996-м и 2008 годах) и Грузии (в 2008 году) имели место массовые протесты против результатов президентских выборов, а качество этих выборов подвергалось серьезной критике со стороны международных наблюдателей (тем не менее в целом признавших итоги выборов).

Парадоксальным образом такие коллективные действия и цветную революцию (но не перевороты) можно признать свидетельством того, что режимы в Грузии и Армении не были консолидированными автократиями. В их парламентах существует плюрализм, законодатели целенаправленно вносили в конституции поправки, направленные на расширение полномочий парламентов. Азербайджан же, напротив, последовательно ужесточал законодательство о партиях и выборах и сохранял сильную президентскую власть, которую умирающий президент Алиев передал в 2003 году своему сыну Ильхаму.

Азербайджанский пример можно признать мягкой версией центральноазиатского авторитаризма, а остальные две страны — гибридными режимами. В этом случае «гибридность» следует трактовать как сочетание «добрых намерений» политиков с высоким уровнем конфронтации в борьбе за власть и неспособностью элит выработать и соблюдать правила игры, которые могли бы укоренить политический плюрализм.

Восточная Европа

Четыре восточноевропейские страны постсоветского пространства (Беларусь, Россия и Украина, в меньшей степени

Молдова) со структурной точки зрения, казалось бы, выглядели более предрасположенными к демократизации, и действительно Украина и Молдова стали электоральными демократиями.

С социально-экономической точки зрения это была самая развитая часть Советского Союза (не считая Прибалтики) во всех отношениях, включая диверсифицированность промышленности, уровень жизни, образования, урбанизации и так далее. За исключением Молдовы (наименее развитой из всех), они и сегодня опережают страны юго-восточной Европы, ставшие демократиями. Оборотной стороной высокого уровня развития стало значительное влияние отношений власти и собственности на поведение политических элит. В России, в отличие от остальных трех государств субрегиона, в полную силу действовало так называемое нефтяное (точнее, нефтегазовое) проклятие; парадоксальным образом в облегченной форме им заразились Украина и Беларусь: транзит российских углеводородов через их территорию в Европу стал значимой отраслью их экономик.

С точки зрения политической культуры все эти страны были христианскими (преимущественно православными). Значительная часть немалого исламского населения России (в первую очередь живущего в Поволжье) была модернизирована, но в то же время республики Северного Кавказа сохраняют пережитки традиционных обществ, в которых ислам испытывает сильное давление со стороны фундаменталистских тенденций, конкурирующих с традиционным исламом, и в которых сохраняются и традиционные клановые структуры.

Беларусь представляет собой относительно гомогенное в этническом плане общество: в отношениях между этническими русскими и белорусами не наблюдалось проблем. На Украине напряженности в отношениях с крымскими татарами были ограниченными по масштабу, а межэтнические отношения русских с украинцами, далеко не идиллические, развивались в политическом поле, внеся свой вклад в углубление водораздела между востоком и западом страны, описываемого ниже. Территориальная целостность Молдовы была нарушена отколом Приднестровья (с более высокой долей восточнославянского населения) после непродолжительной гражданской войны. Однако Молдове этот раскол принес не только национальную травму, но и более вы-

сокую степень гомогенности общества, которая способствовала снижению конфронтационности в политике.

Еще один структурный фактор, оказавший (хотя и по-разному) влияние на преобразования во всех странах, — это проблема национальной идентичности. Молдова до сих пор находится в поисках определения своей общности или отличия от Румынии, в то же время находя у себя место для восточнославянского, тюркского и болгарского меньшинств. Раздел между Восточной и Западной Украиной, коррелирующий с определением близости страны к России или Западу, сохраняет первостепенную важность для национальной политики и, по нашему мнению, создает базу для объективного плюрализма в украинском обществе, который способствует демократизации. В Беларуси «западный вектор» преобразований был самым слабым из всех европейских посткоммунистических государств, равно как слабейшим было чувство особой национальной идентичности (прозападные националисты в Беларуси остались маргинализированным меньшинством). Наконец, Россия, метрополия прежней империи, была единственной страной на этом пространстве, в которой посткоммунистическое развитие не воспринималось как «национальное возрождение», а напротив, зачастую трактовалось как «национальная катастрофа». Кроме того, Россия несла уникальное бремя сверхдержавы и обладала огромным ядерным арсеналом, что значительно повышало риски хаотизации политики и косвенно способствовало усилению авторитарных тенденций в политических элитах.

Таким образом, фактор идентичности по-разному проявил себя в этих четырех странах, усиливая демократизационные тенденции в Молдове и на Украине и ослабляя их в Беларуси (однозначно) и России (с оговорками).

Когда речь идет о Беларуси, мы фактически встаем перед дилеммой «курица или яйцо»: побуждала ли слабость национальной идентичности элиту страны к отказу от приватизации и других структурных реформ или, напротив, именно эгоизм элит обусловил замораживание ситуации и отказ от социально-экономических и политических реформ, а со временем побочные эффекты российского нефтяного процветания и экономического роста помогли белорусскому режиму укорениться (при этом,

как и в Центральной Азии, ротация элит носила ограниченный характер)? Конституционная реформа, радикально ослабившая полномочия парламента, ничем не сдерживаемая президентская власть, абсолютно марионеточная партийная система, репрессии против оппонентов (включая аресты оппозиционных кандидатов в президенты), манипуляции на выборах — все это роднит белорусский режим с центральноазиатскими. При том, что структурные предпосылки в этой стране были более благоприятными, актор-ориентированные факторы намеренно сохраняли и воспроизводили институциональное устройство, заведомо лишенное плюрализма и либеральных начал.

Молдова представляет собой едва ли не полную противоположность: скорее аграрная, чем индустриальная, значительно отстающая по уровню жизни (ВВП/чел. в 1992 году — 2,776 долл.; в 1994-м — 1,261 долл. и всего лишь 2,975 дол. в 2008-м), но вместе с тем это единственная из стран СНГ, которая намеренно строила модель своего политического развития по западному образцу, точнее, следуя примеру соседней и этнически родственной Румынии. Если в Европе последнюю долгое время считали аутсайдером трансформационных процессов, то для Молдовы она выступала моделью и целевым ориентиром модернизации. Даже сегодня душевой ВВП в Молдове в 4,5 раза ниже, чем в Беларуси (что делает ее самым бедным государством в Европе). Приватизация в этой стране запоздала, она остается преимущественно аграрной, значительная часть ее населения работает в Европе и России. Процесс урегулирования конфликта с приднестровскими сепаратистами фактически заморожен. Однако политический режим Молдовы на всех стадиях ее развития обеспечивал стимулы для плюрализма: поражение действующего президента при президентско-парламентской республике, конституционная реформа 2000 года, превратившая страну в парламентскую республику (последняя имела противоречивые последствия и привела к абсолютному доминированию в парламенте Партии коммунистов). Однако режим и при этом доминировании оставался плюралистичным и относительно либеральным, и коммунисты после поражения на выборах 2009 года были вынуждены уйти из власти. Пример Молдовы показывает, что правильный и последовательный выбор политического курса мо-

жет демократизировать даже бедную и слаборазвитую страну, но равным образом он показывает, что демократия сама по себе не гарантирует решения экономических проблем. Пройдя через три раунда не давших однозначных результатов выборов в период с апреля 2009-го по ноябрь 2010 года, неспособная на протяжении двух с половиной лет (до марта 2012 г.) избрать в парламенте президента и достичь действенных соглашений о разделе власти, Молдова демонстрирует как успехи, так и провалы демократизации, вызванной актор-ориентированными факторами.

Украина добилась успехов в демократизации во втором десятилетии своего посткоммунистического развития, а до этого представлялась страной с неэффективным президентским режимом и попытками концентрации президентской власти. Однако корни украинской демократизации следует искать в 90-х годах прошлого века, в плюрализме общества, порожденном расколом на «восток» и «запад» (как описано выше). Этот водораздел сочетался с плюрализмом групп интересов (часто их называют региональными кланами). Эти группы не имеют в реальности ничего общего с одноименными кланами и племенами Центральной Азии, представляющими собой пережитки традиционного общества. Изначально Украина избрала президентско-парламентскую модель с некоторой автономией парламента. Все эти факторы обеспечили успех украинского плюрализма, благодаря которому на Украине — впервые на всем пространстве СНГ (!) — действующий президент потерпел поражение на выборах. На референдуме 2000 года президент Украины получил поддержку своим начинаниям по расширению полномочий президентской власти, но так и не решился воплотить их в жизнь. Именно этот плюрализм провел Украину через оранжевую революцию и конституционный переход к премьер-президентскому режиму. Демократический опыт,обретенный в 2004–2005 годах, не принес стране ни экономического процветания, ни даже консолидации демократии (хотя власть на президентских выборах и переходила из рук в руки три раза из четырех), но он помог Украине прийти к относительно свободным и честным выборам и дал первые уроки раздела власти и разрешения конфликтов. В отличие от Молдовы, где политические действия элит намеренно развивали плюрализм, украинские элиты к обучению и

привыканию к навыкам сосуществования и конкуренции скорее принуждались силой обстоятельств.

Очевидно, именно этот фактор позволил молдавской элите сохранить плюралистичность режима в период затяжного политического кризиса. На Украине же победивший на выборах в 2010 г. Виктор Янукович (напомним, не допущенный к власти «оранжевой революцией» в 2004 г.) отменил конституционные поправки, вводящие премьер-президентскую республику, добился большинства в Верховной Раде и осуждения на тюремный срок своего основного соперника, экс-премьера Юлии Тимошенко. Столь жесткие методы концентрации власти ввергли Украину в новый виток политического кризиса и предельно осложнили ее отношения с Евросоюзом. Только следующий раунд выборов (с уже четвертым в истории Украины изменением избирательной системы — на сей раз — от чисто пропорциональной — на смешанную) покажет, повернула ли Украина вслать свою демократизацию, или — как это было в 2004–2005, кризис власти вынудит украинскую элиту продолжить строительство плюралистических политических институтов.

Российский случай представляется наиболее проблематичным. Обладающая большими природными богатствами и располагающая в целом благоприятными структурными предпосылками, Россия пережила периоды угрозы распада государственности, сепаратизма Чечни, продолжительной войны на Кавказе и террористической угрозы, не устранившей и поныне. Хотя ротация элит была здесь значительной по масштабу, и новая бизнес-элита внесла немалый вклад в формирование сегодняшнего политического класса, именно в России более чем в любой другой стране постсоветского пространства элементы старой военно-силовой элиты вошли в политический истеблишмент, и их консервативная ментальность остается значимым обстоятельством в российской политике.

По совокупности объективных и субъективных факторов можно заключить, что с точки зрения поведения политических акторов белорусский сценарий для России все же был более вероятным, чем украинский или молдавский, если бы не существовало еще одного субъективного обстоятельства. Речь о центральной роли российской политической элиты в разгроме коммунизма в

самом сердце империи и последовавшего антагонистического раскола в элите и нации в целом. Плюралистичность российской политики в 90-е годы не была тождественна демократии, но она помогла преодолеть антагонизм в отношениях с элитой «старого режима» и заложила основы рыночной экономики. Президентско-парламентская республика для такого режима представлялась оптимальным режимом: более сильный оппозиционный парламент заблокировал бы реформы, еще более сильное президентство сделало бы режим слишком похожим на белорусский.

Попытное движение следующего десятилетия может объясняться как объективными, так и субъективными факторами: восстановление дееспособности государства (в любом случае неизбежное после кризиса легитимности власти 90-х годов), радикальный рост доходов от нефти, постоянные «phantom боли» потерянной империи и страхи конкуренции за власть и собственность в стране, которая прошла через крайне противоречивую приватизацию огромных экономических активов. Эти явления *de facto* означали, что к началу нынешнего века в России сложилась новая, более негативная конфигурация структурных и актор-ориентированных факторов. Еще более усилило антидемократационные тенденции неприятие цветных революций: в реакции на них правящей элиты и преувеличенное представление о роли Запада в этих событиях на «заднем дворе» России, и боязнь возможного повторения таких событий на российской почве.

Не подлежит сомнению, что демократизация в России должна была бы носить более осторожный и эволюционный характер, чем в других европейских постсоветских государствах, и озабоченность российских политических элит сохранением стабильности и минимизацией рисков вполне понятна: и изначальная степень антагонизма (продемонстрированная, в частности, расстрелом мятежного парламента в октябре 1993 года), и страх хаоса в ядерной сверхдержаве убедительно объясняют нежелание российских элит идти на риск. Однако при этом не подлежит сомнению, что степень плюралистичности российской политики за минувшее десятилетие существенно снизилась, входные барьеры на рынке политической конкуренции ощутимо выросли, а качество электоральных процедур подвергается все более суровой критике.

Набор структурных условий в России был слишком сложным, а потому уникальным, вряд ли способным дать почву для обобщений. Один урок из российского опыта все же можно извлечь: негативные предпосылки для демократизации могут возникать или усугубляться и по ходу трансформационных процессов, а набор негативных явлений не ограничивается неудачами в экономическом развитии, напротив, такую роль может сыграть и экономический рост, основанный на «нефтяном проклятии». Российские элиты были вынуждены играть по правилам плюрализма и искать компромиссы именно тогда, когда страна жила в условиях жестких расколов, а ее переходная экономика лежала в руинах. Когда же эти расколы были преодолены, а экономика стала демонстрировать уверенный рост, нужда в «плюрализме поневоле» отпала, и политика стала функцией от объективных условий.

Возможно, именно Россия демонстрирует, что взаимовлияние структурных и процедурных факторов носит «спиралевидный» характер. Более высокий уровень социально-экономического развития и быстрый рост в первом десятилетии века привел к тому, что экономический кризис (который Россия, кстати, пережила относительно мягко благодаря накопленным на экспортных доходах резервам) породил острое расхождение между ожиданиями граждан (в первую очередь — сформировавшегося среднего класса). Последовавшее падение доверия эффективности власти усугубилось шоками от ее фактической несменяемости (когда стало ясно, что страну вновь возглавит В. Путин) и нарушений на выборах, привело к массовым и повторяющимся уличным протестам.

Под влиянием этих протестов российский правящий класс попал на ограниченные реформы политической системы, демонтирующие некоторые ограничители плюрализма,озведенные в минувшее десятилетие. Однако страх утраты монополии на власть и связанный с нею контроль над экономическими активами порождает и типичную для «царя горы» охранительную тенденцию: либерализация законодательства о партиях и возвращение прямых выборов губернаторов обставляется существенными ограничениями, ужесточается законодательная рамка для публичных акций и деятельности неправительственных органи-

заций. Объективно ситуация требует от власти преодоления отставания политической системы от «переросшего» ее общества, однако государство надеется реализовать некий «необонапартистский» сценарий¹¹, в котором оно будет способно управлять чуть расширившимся плюрализмом при помощи более изощренного арсенала ограничителей для оппозиции и гражданского общества.

Некоторые выводы

Дает ли проведенный анализ какое-либо новое знание о факторах, способствующих или препятствующих демократизации или иным образом влияющих на исход преобразований? Ответ, скорее всего, будет положительным, но не детерминистским.

Если мы рассмотрим в качестве наиболее объективной предпосылки уровень социально-экономического развития, то обнаружим, что среди стран с уровнем душевого ВВП выше среднемирового (10,725 долл., согласно данным МВФ за 2010 год) крайне мало недемократий. По большей части это «ресурсно проклятые» авторитарные режимы Персидского залива и другие нефтедобывающие государства; выше этой планки находятся также Венесуэла, Россия (страны с «нефтегазовым проклятием»), Беларуссия (по нашей логике испытывающей «нефтяное проклятие» в легкой форме). Из этого наблюдения следует несколько выводов.

1. Как бы мы ни определяли итоги трансформаций конца XX – начала XXI века, они сделали демократию доминирующей формой общественного устройства в зажиточных странах, хотя и не без серьезных оговорок, и выходящей за пределы традиционного домена иудео-христианской цивилизации. В нашей выборке посткоммунистических стран все государства с уровнем благосостояния выше среднемирового и не испытывающие «нефтяного проклятия» превратились в демократии разного уровня совершенства (Беларусь может считаться исключением).

2. «Ресурсное проклятие» (в большинстве случаев синонимичное проклятию нефтяному) становится важной перемен-

¹¹ См. А. Пшеворский, гл. 13 в этой книге.

ной, объясняющей, почему зажиточные страны не становятся демократиями. Как свидетельствует индекс демократии журнала *Economist* за 2010 год, если ввести экспорт нефти как «фактивную переменную» в корреляцию между уровнем развития демократии и душевым доходом, значение корреляционного показателя в этой регрессии практически удваивается (с одной трети до 60%). Воздействие «ресурсного проклятия» на политическое развитие анализировались многократно [Huntington, 1991; Ross, 2001; Diamond, 2003; Polterovich, Popov, Tonis, 2008; Treisman, 2010]. Мы хотели бы добавить к этому анализу лишь один важный нюанс: в переходных обществах «ресурсное проклятие» зачастую предопределяет вектор политического курса. Оно не только наделяет правителей ресурсами для содержания репрессивного аппарата и перераспределения материальных благ, но, что особенно важно, дает им возможность уклоняться или бесконечно откладывать перемены в любом смысле этого слова: оно помогает правящей элите укорениться, строить узкие распределительные коалиции, уделять меньшее внимание эффективности управления, поддерживать жизнеспособность устаревших политических практик (архаичных, традиционных, авторитарных). Соответственно, элиты в этих странах мотивированы на концентрацию властных полномочий, максимизацию экономической и политической ренты, усугубляемой, как мы показали, еще большими страхами ее утраты, а не на раздел их и создание механизмов выработки компромиссов: доминированию власти в таких государствах труднее бросить вызов. Ни одна из посткоммунистических стран с высоким уровнем нефтедобычи не добилась успехов в демократизации.

3. В современном мире бедные государства имеют шанс не только на демократизацию, но и на жизнеспособность демократии. На посткоммунистическом пространстве мы находим лишь один (и то не бесспорный) пример того, как бедность оказала влияние на процесс преобразований, способных в принципе превратиться в демократизацию: Киргизстан (и то в сочетании с другими факторами). Молдова и Монголия, Македония и Черногория добились в демократизации существенного прогресса. Однако демократизация в этих странах нуждается в более пристальном

анализе, с рассмотрением каждого фактора, объясняющего ее успехи и неудачи. Например, можно было бы сравнить наборы структурных предпосылок и актор-ориентированных факторов в этих «не вполне зажиточных» странах, с одной стороны, и в «гибридных» странах с сопоставимым уровнем душевого дохода (например, Грузии или Армении) — с другой.

4. Что касается прочих часто называемых структурных предпосылок, опыт изучения посткоммунистического пространства позволяет дополнить общепринятые в науке установки рядом существенных нюансов. Государственность, определяемая в первую очередь в понятиях «территориальной целостности» и «национального единства», несомненно, остается важным фактором, но не должна восприниматься как абсолют. Даже вспышки этнического насилия, утрата части территории и/или населения, ощущение национальной катастрофы (временные либо постоянные) не закрывают дверь для демократизации, что продемонстрировано Хорватией, Молдовой и Сербией, не говоря уже о менее очевидных случаях. Если действия элиты сильно мотивированы потребностью «стать Европой», если горячая фаза конфликта позади, а противоречия между большинством и меньшинством (этническим или конфессиональным) взяты под контроль, то в ряде случаев (Молдова, Хорватия) общества становятся менее гетерогенными, что открывает путь к демократизации (порой, правда, дорогой ценой). Однако там, где «незавершенная государственность» налагается на другие негативные предпосылки и/или стремление элит к демократизации слабо либо совсем отсутствует, демократизация становится невозможной. Крайняя бедность (по евразийским стандартам) воспроизводит острые социальные конфликты как в Киргизстане или Таджикистане; менталитет «осажденной крепости» как в Грузии или Армении. А преувеличенные опасения «слабости государства» как в России легитимизируют авторитарные тренды и не позволяют выработать курс, ведущий к демократизации.

5. Если мы добавим к этим наиболее важным предпосылкам другие факторы, такие как политическая культура, смена элит, то в нашем уравнении окажется слишком много неизвестных, чтобы прийти к однозначным аналитическим заключениям. Для политической науки это означает следующее.

(а) Общая закономерность во всех трансформациях, независимо от того, ведут ли они к демократизации, состоит в относительном уменьшении значимости объективных предпосылок и расширении сферы, в которой ведущими становятся субъективные, актор-ориентированные факторы. Эта закономерность ни в коем случае не носит абсолютного характера: взаимоусиление негативных предпосылок может образовать критическую массу, исключающую демократизацию или заводящую ее в тупик; в каких-то обществах влияние «нефтяного проклятия» может предопределять судьбу этих обществ на неограниченно долгий срок. «Агенты перемен» могут «строить демократию на ровном месте» только тогда, когда набор структурных предпосылок преимущественно позитивен для демократизации, как произошло в описанных выше случаях центральноевропейских стран, но поле для их деятельности в любом случае расширилось.

(б) Обзор политических преобразований в посткоммунистических странах наглядно демонстрирует роль, которую в них сыграли актор-ориентированные факторы. Демократизация происходит там, где элиты, вольно или порой невольно, избирают институциональное устройство и развиваются практики, способствующие более развитому и лучше институционализированному плюрализму, разрешению конфликтов и вовлечение общества в политику. Выбор такого политического курса изначально может диктоваться внешними факторами, например, стремлением «приблизиться к Европе», но со временем они укореняются и обретают собственные стимулы развития. Истории «побед акторов над структурами» — это Молдова и Украина, Сербия, Хорватия, Черногория, возможно — Румыния и Болгария. Список достаточно обширен, чтобы характеризовать это явление как полноценный тренд.

(в) В других случаях элиты избирают политический курс, препятствующий развитию плюрализма и враждебный либерализму. Такой выбор всегда делается намеренно, чтобы сохранить контроль над благами «ресурсного проклятия», монополию на власть и/или из страха социального протеста. Порой, однако, такой выбор подается собственному обществу как вынужденный или камуфлируется заявлениями о «национальном пути» к демократии. Такие случаи — тупики демократизации. Из нашей выборки

Россия и Украина — примеры таких «застрявших транзитов» — и будущее развитие событий покажет, возможна ли в них эволюционная демократизация, или выход из подобного тупика возможен лишь через коллапс социальной модели (в более бедных странах) или смену элит под воздействием либо поколенческих, либо внешних факторов, требующих специального анализа.

(г) Выше уже упоминалась необходимость анализа каждого конкретного случая. Отметим теперь одно из измерений такого анализа, имеющее прямое отношение к оценкам дальнейшего развития посткоммунистических стран. В отличие от всего остального мира они начали свои трансформации с близкого к нулевому уровня развития рыночных отношений в экономике. В этом регионе мы и сейчас найдем примеры того, как демократия возникла параллельно с рождением или возрождением «буржуза», если вспомнить знаменитую максиму Дж. Баррингтона Мура «нет буржуа — нет демократии» [Moore, 1966]. Центральная и Юго-Восточная Европа не только построили демократии с рыночной экономикой, но и доказали их состоятельность: даже тяжелое воздействие экономического кризиса в 2008–2010 годов не нанесло серьезного ущерба их демократическим институтам и практикам, в отличие от многих других европейских демократий (по оценкам индекса демократии журнала Economist за 2010 год.). Но этот «буржуа» будет продолжать развиваться даже в недемократических странах. В последнее десятилетие впечатляющие результаты показала модель авторитарного экономического роста в Китае, служащая образцом для многих недемократических стран третьего мира: это выглядит глобальным вызовом демократии как «единственной игры в городе». Модели экономического роста в странах «нефтяного проклятия», таких как Россия, Казахстан или Азербайджан, не приносят значимых свидетельств роста запроса на демократизацию. Напротив, новейшие исследования среднего класса в России¹² показывают, что у современного российского «буржуа» развиваются как продемократические,

¹² Григорьев Л.М., Макаренко Б.И., Салмина А.А., Шаститко А.Е. Средний класс после кризиса: экспресс-анализ взглядов на политику и экономику. / Л.М. Григорьев [и др.]. — М: МАКС-Пресс, 2010.

так и проавторитарные запросы, первые связаны с модернизацией, вторые — со страхом хаоса или попыток «реванша» со стороны менее удачливых социальных слоев в случае, если страна вступит на путь демократизации.

Наши выводы ни в коем случае не носят завершенного характера. Преобразования во многих посткоммунистических странах отнюдь не закончены. Структура всех экономик, в том числе — в недемократических странах, продолжает видоизменяться, и общий тренд этих изменений — прорыночный. Недемократические правители и те вынуждены имитировать демократические процедуры и проводить выборы. Демократические ценности и либеральные практики являются собой постсоветским гражданам даже через кривые зеркала авторитарных режимов. С другой стороны, после кризиса 2008–2010 годов на повестку дня вновь вернулся вопрос о качестве демократии и госуправления даже в домене устоявших демократий. На обозримое будущее в дискурсе о демократии очевидно будут доминировать темы пределов демократической волны 1989–2010 годов и вызов демократии со стороны китайской модели развития. Но в новый раунд обсуждения судьб демократии мы входим с лучшим пониманием ее основных трендов и осознанной потребностью более интенсивированного изучения взаимовлияния объективных и субъективных факторов развития каждого трансформирующегося общества.